

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2019, №4, Том 10 / 2019, No 4, Vol 10 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2019.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/24FLSK419.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Хилханова Э.В., Санжеева Л.Ц. Языковые контакты и языковое сознание: некоторые теоретические рассуждения // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019 №4, <https://sfk-mn.ru/PDF/24FLSK419.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Khilkhanova E.V., Sanzheeva L.Ts. (2019). Language contacts and linguistic consciousness: some theoretical considerations. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 4(10). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/24FLSK419.pdf> (in Russian)

УДК 81'27

ГРНТИ 16.21.27

Хилханова Эржен Владимировна

ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук», Москва, Россия
Старший научный сотрудник
Доктор филологических наук, доцент
E-mail: erzhen133@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9369-343X>
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=495303
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/B-3667-2017>
SCOPUS: <http://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=8378842800>

Санжеева Лариса Цырендоржиевна

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», Улан-Удэ, Россия
Институт филологии, иностранных языков и массовых коммуникаций
Доцент кафедры «Английского языка и лингводидактики»
Доктор филологических наук, доцент
E-mail: lsanzhe@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4612-7889>
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=429348
Web of Science: <https://publons.com/researcher/3218938/larisa-sanzheeva/>

Языковые контакты и языковое сознание: некоторые теоретические рассуждения

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения феномена языкового сознания в плане его проявления, содержания и функций в ситуации языкового контакта. Авторы исходят из того, что такие субъективные категории, как мнения и оценки самих членов лингвосообществ, – продукты их языкового сознания – остаются вне поля зрения ученых, хотя их влияние на состояние и перспективы контактирующих языков велико. В статье особое внимание уделяется анализу различных подходов и интерпретаций феномена языкового сознания в отечественной и зарубежной лингвистике. Отмечается, что в России эти исследования проводятся почти исключительно в рамках психо- и этнопсихолингвистики, в то время как в зарубежной лингвистике проблематика языкового сознания рассматривается и с социолингвистических позиций. В статье подчеркивается историчность, изменчивость и интенциональность языкового сознания, его донаучность и «наивность», интересубъективность и социальная связанность. Теоретические рассуждения кратко иллюстрируются на фрагментах из материалов полевого социолингвистического исследования, проведенного в этнической

Бурятии в 2004–2006 гг. которые представляют собой пример «дилетантского» дискурса о языке, своеобразного непрофессионального метадискурса.

На основании сделанного анализа авторы приходят к выводу, что под языковым сознанием в общем понимается знание и осознание говорения на определенном языке, т. е. знание о его грамматике и социальных правилах использования языка и обладание установками и оценками относительно языка. С функциональной точки зрения языковое сознание «отвечает» за контроль и управление коммуникативным поведением индивида и языкового сообщества.

Ключевые слова: языковое сознание; языковые контакты; речевое поведение; донаучное знание; повседневное знание; метаязыковое сознание; непрофессиональный метадискурс

Введение

В многоязычных регионах выбор языка говорящих, как правило, находится под влиянием комплекса исторических, политических, экономических, социальных и культурных факторов. При этом нередко упускается из виду, что такие субъективные категории, как мнения и оценки самих членов лингвосообществ, остаются вне поля зрения ученых, хотя их влияние на состояние и перспективы языков, находящихся в контакте с функционально более мощными языками, велико.

Мнения и оценки эксплицируют языковое сознание говорящих, формирующееся из непосредственного и опосредованного опыта, из идеологий и конвенций, существующих в языковом сообществе. Так, к примеру, окситанские и каталонские социолингвисты описывали диглоссию как историческую стадию общественного языкового конфликта между доминантным и подчиненным языковыми вариантами. На говорящих на миноритарном языке конфликт может оказать воздействие таким образом, что они отказываются от своей исконной языковой идентичности и ориентируются на господствующий языковой вариант. Каталонские социолингвисты ввели понятие *auto-odi* ‘самоненависть’/‘самонеприятие’, а окситанские лингвисты – понятие отчуждения (*aliénation*) [1–3]. Это те случаи, когда язык (как правило, миноритарный) рассматривается говорящими как непригодный для определенных тем и ограничивается неформальной коммуникацией. Решение конфликта состоит или в нормализации – язык может снова завоевать/приобрести общественно важные функции, или в субституции – доминирующий язык вытесняет подчиненный полностью. Все эти случаи свидетельствуют о необходимости более глубокого изучения языкового сознания в ситуации языкового контакта, чем и обусловлена актуальность нашего обращения к данной проблематике с теоретических позиций. Нужно выяснить, как проявляется языковое сознание говорящих, каково его содержание, какие функции оно выполняет, как интерпретируется данная проблематика в научной литературе. Этому и посвящена данная статья.

Рассуждение на эту тему нам хотелось бы начать с двух фрагментов интервью, взятого из материалов полевого исследования, проведенного одним из авторов в 2004–2006 гг. на территории этнической Бурятии, в ходе которого было опрошено и частично проинтервьюировано 714 респондентов. Информант – женщина 1971 г. рождения, переехавшая в возрасте 10 лет из сельской местности в г. Улан-Удэ и с тех пор живущая там (кодировка: И – интервьюер, А – информант).

Фрагмент 1.

И: Вы про себя можете сказать, что вы активно, много говорите по-бурятски?

А: Нет.

И: Вообще в целом?

А: Нет, нет-нет.

И: А можете определить, какой поворотный пункт, когда вы перестали – в основном раньше было по-бурятски, а стало в основном по-русски – когда был этот переломный момент?

А: А-а, я четко могу это разграничить. Я когда жила в Еравне, в Усть-Эгите, в детстве, в начальных классах мы учились. Я училась, тогда я разговаривала на бур. Переехали в город (...) я начала разговаривать на русском.

И: Город, да, сыграл решающую роль?

А: Да. Да. Вот четко-четко это было, в четвертом классе.

Фрагмент 2.

И: Как Вы оцениваете нынешнее положение с бурятским языком?

А: Вот я, я об этом говорила, да, что вот было время, когда было немодно говорить, да, считалось, что ты голова, деревенская, когда я в школе училась, сюда переехала, да – не дай бог, даже если ты знаешь – все разговаривали на русском, потому что это было сразу признак того, что ты отсталая там, деревенщина и так далее.

Как мы видим, информант еще в детском возрасте при переезде в город кардинально поменяла свое речевое поведение, и сделанное в детстве под давлением внешних обстоятельств предпочтение русского языка бурятскому сохраняется и поныне. Тому способствовали и другие факторы, которые и по сей день «работают» в пользу русского языка [подробнее об этом см.: 4; 5]. Произошло лингвистическое приспособление к иной, в отличие от сельской местности, языковой ситуации, характеризующейся доминированием государственного русского языка. В этом процессе языковой интеграции¹ [6] центральная роль отводится не внешним факторам, а языковому сознанию носителя языка, которое будет более подробно рассмотрено с теоретической точки зрения в следующем разделе.

Языковое сознание в отечественной и зарубежной лингвистике

Общий обзор исследований языкового сознания свидетельствует о довольно больших различиях между подходами, принятыми в отечественной и зарубежной лингвистике. В России исследования языкового сознания проводятся почти исключительно в рамках психо- и этнопсихолингвистики. В отечественной психолингвистике языковое сознание трактуется как совокупность образов сознания, овнешняемых при помощи языковых средств – слов,

¹ О том, что это именно интеграция, а не ассимиляция, см. в: [6].

свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей [7; о языковом сознании см. также: 8; 9].

В зарубежной лингвистике проблематика языкового сознания рассматривается и с социолингвистических позиций. Так, П. Шерфер говорит о феномене языкового сознания следующее: «Наряду с вербальной коммуникацией существует способность и практика восприятия, описания и оценки определенных аспектов вербальной коммуникации. Другими словами, это значит, что члены языкового сообщества располагают наивным знанием относительно своей языковой ситуации и о говорящих» [10]. Долгое время исследования языкового сознания проводились в направлении исследования *установок* по отношению к языку в рамках социально-психологического и менталистского подходов [11]. Установки подразделялись на три компонента: аффективный (оценки), когнитивный (знание) и конативный (поведение) [12]. Было доказано, что зачастую установки по отношению к языку являлись по сути установками по отношению к говорящим на данном языке [подробнее об этом см.: 13].

Социолингвистически ориентированная концептуализация языкового сознания делает упор на взаимосвязи между общественно-языковыми условиями и тем, как они отражаются в языковом сознании. Социолингвистов интересуют в данном случае социальные условия приобретения и распространения лингвистически опосредованного знания, вопрос, как общественная реальность отражается в языковом сознании и как она в конце концов выливается в речевое поведение [14].

По мнению Б. Нойзиуса, языковое сознание становится такой центральной управляющей инстанцией речевого поведения посредством того, что оно перерабатывает вербализуемые состояния знаний, опыт, оценки и установки в своеобразные «инструкции по речевому поведению» и в лингвистические суждения, при этом магистральной линией коммуникативного поведения является приспособление к существующим нормативным представлениям. Тем самым языковое сознание является в равной степени продуктом и регулятором процесса языковой эволюции, включающей в себя и изменение языковой ситуации. Языковое сознание изменчиво и интенционально. Оно развивается не просто «изнутри, из самого себя», а всегда «из чего-то» и в той или иной степени определяется влиянием институционализированных дискурсов [15].

Таким образом, можно утверждать, что понятие языкового сознания является донаучным, метаязыковым знанием о языке, которое наряду с языковыми установками, мнениями, оценками и нормативными представлениями охватывает и знание правил языка и его употребления. Как таковое, языковое сознание может взять на себя важные функции контроля и управления коммуникативным поведением индивида и языкового сообщества. Языковое сознание развивается в процессе обучения в рамках определенной культуры и является результатом переработки жизненного опыта. Как знание, управляющее поведением, оно берет начало и применяется в конкретных коммуникативных ситуациях.

Как донаучное, наивное знание, языковое сознание понимается как та часть повседневного знания, которая имеет отношение к языку и вообще к языковой сфере. Понятие «повседневного знания» в социологии знания интерпретируется как «то, что понимается членами общества как само собой разумеющееся, как достоверное состояние знаний, которая дает им возможность предпринимать какие-либо действия» [16]. Повседневное знание представляет для членов общества «необходимую ориентационную и интерпретационную основу для общественного действия» [16, с. 44] и является частью «пре- и квази-научной интерпретации повседневной реальности» [17].

Если языковое сознание представляет собой ту часть повседневного знания, которая имеет отношение к языку, тогда это означает, что знание о языковых аспектах по своим свойствам не отличается от знания о неязыковых аспектах. Языковое сознание интерсубъективно и социально связано. Языковое сознание питается как из индивидуальных знаний, так и (прежде всего) из социально и культурно транслируемой совокупности языкового опыта. В существенных моментах коллективное знание членов группы характеризуется некоей согласованностью, т. е. для каждой определенной социальной группы может быть принят специфический образец речевого поведения, оценочный образец. На основе своего ориентированного на действие характера языковое сознание образует открытую, динамическую систему, которая используется в конкретных ситуациях и берет свое начало также в конкретных ситуациях. Языковое сознание интенционально. Оно развивается не изнутри себя, а из чего-то и на что-то нацелено. Так, большая часть языкового сознания говорящего служит тому, чтобы обеспечить максимально беспрепятственное протекание коммуникации и предоставить механизмы для коррекции при возникновении каких-либо проблем [14, с. 150].

Б. Шлибен-Ланге заключила из наблюдений над «искаженным языковым сознанием», под которым она понимает разрыв между знанием о языке и говорением о языке, что в высказываниях о языке отражены как стереотипные оценки, так и собственный опыт, и поэтому следует разделять две области: область знания о языке (которая охватывает единицы языка, возможности их применения и опыт, приобретенный из языковой практики) и область общественного дискурса о языке [18]. С таким мнением трудно согласиться, поскольку знание, приобретенное из языковой практики, не отражает реальность, а интерпретирует реальность через предоставляемые обществом категории восприятия и тем самым его невозможно отделить от общественного дискурса о языке.

Языковое сознание, таким образом, следует рассматривать как социальный феномен, который может в зависимости от общественных и исторических факторов иметь различное содержательное выражение. Как правило, члены языкового сообщества обладают знанием в следующих областях:

- Знание о принадлежности к определенному языковому сообществу, его истории и культуре.
- Знание об этнонимах и экзонимах и распространении языковых вариантов.
- Знание о языковых нормах и социально приемлемом употреблении языка.
- Знание об оценках, которыми «нагружен» язык и говорящие на нем (здесь смешиваются частично внешние оценки и самооценки).
- Знание о функциях, которые выполняются языковыми вариантами или разными языками.

Заключение

Таким образом, на основе вышесказанного можно утверждать, что под языковым сознанием в общем понимается знание и осознание говорения на определенном языке, т. е. знание о его грамматике² и социальных правилах использования языка и обладание установками и оценками относительно языка. То есть речь идет о коллективном сознании, в

² Под грамматикой в данном случае понимается совокупность системно-структурных правил построения речи.

котором присутствуют все эти знания и оценки. Понятие языкового сознания позволяет охватить области языкового знания, языковых установок и оценок в единую область как совокупность знания, в котором реальность как отражена, так и интерпретирована. Языковое сознание – это составная часть повседневного знания, на основе которого познается и интерпретируется языковая действительность. Основу для этого знания составляет каждодневный опыт с языком и совокупность знаний, которые распространяются через школу и СМИ и часто содержат идеологический компонент.

Языковое сознание содержит как неосознаваемые, так и осознанные компоненты. В первом случае мы имеем дело с нерелефлируемым, неосознаваемым знанием, содержащим коллективные знания и идеологические интерпретации реальности, которые могут и противоречить личному опыту. Во втором случае речь идет о метаязыковом сознании [19; 20], к которому относятся и фрагменты вышеприведенного отрывка из интервью, которые представляют собой пример «дилетантского» дискурса о языке, своеобразного непрофессионального метадискурса – чрезвычайно интересного и малоизученного объекта социо- и психолингвистики. Совершенно очевидно, что именно языковое сознание выступает здесь как инструмент управления речевым поведением и выбором языка в ситуации языкового контакта.

В заключение следует отметить, что языковое сознание формируется в значительной степени посредством языковой политики, в первую очередь в образовании, зависит от распределения власти и может подвергаться манипуляциям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ninyoles, R.L. *Conflicte lingüístic valencià*. Valencia: Tres i Quatre. 1969.
2. Kabatek, J. *Auto-odi: Geschichte und Bedeutung eines Begriffs der katalanischen Soziolinguistik // Akten des 2. gemeinsamen Kolloquiums der deutschsprachigen Lusitanistik und Katalanistik / hrsg. von Axel Schönberger, Katalanistischer Teil, Bd. 2. Zur katalanischen Sprache: historische, soziolinguistische und pragmatische Aspekte / hrsg. Von Gabriele Berkenbusch; Christine Bierbach. Frankfurt am Main: DEE, Domus Ed. Europaea, 1994. Pp. 159–173.*
3. Moskvitcheva, S. and Viaut, A. *Sortir de l' "autoodi" dans les situations linguistiques minoritaires // Alén Garabato, M.C. Colonna, R. (dirs.) Auto-odi. La "haine de soi" en sociolinguistique. Paris: L'Harmattan. 2016. Pp. 163–180.*
4. Хилханова Э.В. Факторы языкового сдвига и сохранения миноритарных языков: дискурсивный и социолингвистический анализ (на материале языковой ситуации в этнической Бурятии). Дис. ... докт. филол. наук. Барнаул, 2009. 383 с.
5. Хилханова Э.В. Об изучении «человеческого фактора» в социолингвистическом исследовании // *Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтничном государстве: Международная конференция (Москва, 14–17 ноября 2018): Доклады и сообщения / Отв. ред. А.Н. Биткеева, М.А. Горячева. Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. – М.: Языки Народов Мира, 2018 – 752 с. – С. 164–172.*
6. Хилханова Э.В. Факторы коллективного выбора языка и этнокультурная идентичность у современных бурят (дискурс-аналитический подход). – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКиИ, 2007.

7. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 34–48.
8. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды / А.А. Залевская. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
9. Колясева А.Ф. Терминология в зеркале обыденного и профессионального языкового сознания: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014. 327 с.
10. Scherfer, P. Untersuchungen zum Sprachbewusstsein der Patois-Sprecher in der Franche-Comptè. Tübingen, 1983.
11. Fasold, R. The Sociolinguistics of Society. Oxford: Blackwell, 1984.
12. Lambert, W.E. Evaluation Reactions to Spoken Languages // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1960. № 60. P. 44–51.
13. Языковое сознание и языковые установки жителей приграничных районов востока России (на примере Республики Бурятия и Забайкальского края) / Э.В. Хилханова, Г.А. Дырхеева, Л.М. Любимова, Д.Б. Сундуева; Вост.-Сиб. гос. ин-т культуры; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – М.: Наука – Вост. лит., 2016. – 174 с. – ISBN 978-5-02-039778-1.
14. Ziegler E. Sprachgebrauch, Sprachvariation, Sprachwissen. Frankfurt am Main: Lang, 1996. 292 S.
15. Neusius, B. Sprache und Sprachbewusstsein in Kroatien. Empirische Untersuchungen zum heutigen Kroatischen in Zagreb. Dissertation, LMU München: Fakultät für Sprach- und Literaturwissenschaften, 2008. 532 p.
16. Matthes, J., Schütze, F. Zur Einführung. Alltagswissen, Interaktion und gesellschaftliche Wirklichkeit // Arbeitsgruppe Bielefelder Soziologen (Hg.). Alltagswissen, Interaktion und gesellschaftliche Wirklichkeit. Reinbek bei Hamburg: Rororo-Studium, 1973. S. 9–53.
17. Berger, P.L., Luckmann, T. Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit (10. Auflage). Frankfurt am Main: Fischer, 2004.
18. Schlieben-Lange B. Metasprache und Metakommunikation. Zur Überführung eines sprachphilosophischen Problems in die Sprachtheorie und die sprachwissenschaftliche Forschungspraxis // Schlieben-Lange (Hg.). Sprachtheorie. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1975. С. 189–205.
19. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: Олма-пресс, 2005. 377 с.
20. Голев Н.Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестник Томск. гос. ун-та. Филология. 2008. № 3(4). С. 5–17.

Khilkhanova Erzhen Vladimirovna

Institute of linguistics Russian academy of sciences, Moscow, Russia
E-mail: erzhen133@mail.ru

Sanzheeva Larisa Tsyrendorzhievna

Buryat state university named after D. Banzarova, Ulan-Ude, Russia
Institute of philology, foreign languages and mass communications
E-mail: lsanzhe@mail.ru

Language contacts and linguistic consciousness: some theoretical considerations

Abstract. The article deals with the phenomenon of linguistic consciousness in terms of its manifestation, content, and functions in the language contact situation. The authors believe that such subjective categories as the opinions of speakers – products of their linguistic consciousness – remain out of sight of scientists, although their influence on the state and prospects of the contacting languages is big. The article focuses on the analysis of different approaches and interpretations of the phenomenon of linguistic consciousness in Russian and Western linguistics. It is noted that in Russia these studies are carried out almost exclusively within the framework of psycho- and ethnopsycholinguistics, while in Western linguistics the problem of linguistic consciousness is considered from the sociolinguistic positions as well. The article emphasizes the historicity, variability and intentionality of linguistic consciousness, its pre-scientific and “naïve” character, intersubjectivity and social connectedness. Theoretical arguments are briefly illustrated on fragments from the materials of a field sociolinguistic study conducted in ethnic Buryatia in 2004–2006. Those fragments are an example of “amateurish” discourse about language, a kind of unprofessional meta-discourse. Based on the analysis provided in the article, the authors conclude that linguistic consciousness is generally understood as knowledge and awareness of speaking a particular language, i.e. knowledge of its grammar and social rules of language use as well as possession of attitudes and assessments of languages involved. From a functional point of view, linguistic consciousness is “responsible” for controlling and managing the communicative behavior of the individual and the language community.

Keywords: linguistic consciousness; language contacts; speech behavior; pre-scientific knowledge; everyday knowledge; metalinguistic consciousness; non-professional metadiscourse

REFERENCES

1. Ninyoles R.L. (1969). *Valencian language conflict*. Valencia: Three and Four.
2. Kabatek J. (1994). *Auto-odi: history and meaning of a term in Catalan sociolinguistics*. Frankfurt am Main: DEE, Domus Ed. Europaea, pp. 159–173.
3. Moskvitcheva S., Viaut A., Sortir de l' (2016). “*Autoodi*” in *minority language situations*. Paris: L'Harmattan, pp. 163–180.
4. Khilkhanova Eh.V. (2009). *Faktory yazykovogo sdviga i sokhraneniya minoritarnykh yazykov: diskursnyy i sotsiolingvisticheskiy analiz (na materiale yazykovoy situatsii v ehtnicheskoy Buryatii)*. [*Factors of the language shift and the preservation of minority languages: discourse and sociolinguistic analysis (based on the material of the language situation in ethnic Buryatia)*.] Barnaul, p. 383.
5. Khilkhanova Eh.V. (2018). *Ob izuchenii «chelovecheskogo faktora» v sotsiolingvisticheskom issledovanii*. Ed. by A.N. Bitkeeva, M.A. Goryacheva. [*On the*

- study of the "human factor" in sociolinguistic research.*] Moscow: Languages of the World, p. 752, pp. 164–172.
6. Khilkhanova E.V. (2007). Faktory kollektivnogo vybora yazyka i ehtnokul'turnaya identichnost' u sovremennykh buryat (diskurs-analiticheskiy podkhod). [*Factors of collective language choice and ethnocultural identity in modern Buryats (discourse-analytical approach).*] Ulan-Ude: Publishing and printing complex East Siberian State Institute of Culture.
 7. Tarasov E.F. (2004). Linguistic Consciousness. *Psycholinguistics Issues*, 2, pp. 34–48 (in Russian).
 8. Zalevskaya A.A. (2005). Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy. [*Psycholinguistic research. Word. Text: Selected Works.*] Moscow: Gnosis, p. 543.
 9. Kolyaseva A.F. (2014). Terminologiya v zerkale obydenного i professional'nogo yazykovogo soznaniya. [*Terminology in the mirror of everyday and professional language consciousness.*] Moscow, p. 327.
 10. Scherfer P. (1983). *Studies on the language awareness of the Patois speakers in Franche-Compté*. Tübingen.
 11. Fasold R. (1984). *The Sociolinguistics of Society*. Oxford: Blackwell.
 12. Lambert W.E. (1960). Evaluation Reactions to Spoken Languages. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 60, pp. 44–51.
 13. Khilkhanova E.V., Dyrkheeva G.A., Lyubimova L.M., Sundueva D.B. (2016). Yazykovoe soznanie i yazykovye ustanovki zhiteley prigranichnykh rayonov vostoka Rossii (na primere Respubliki Buryatiya i Zabaykal'skogo kraya). [*Linguistic consciousness and language attitudes of residents of the border regions of eastern Russia (on the example of the Republic of Buryatia and the Transbaikal Territory).*] Moscow: Science – Eastern Literature, p. 174. ISBN 978-5-02-039778-1.
 14. Ziegler E. (1996). *Language usage, language variation, language knowledge*. Frankfurt am Main: Lang, p. 292.
 15. Neusius B. (2008). *Language and language awareness in Croatia. Empirical research into Croatian in Zagreb today*. Munich: Faculty of Linguistics and Literature, p. 532.
 16. Matthes J., Schütze F. (1973). For the introduction. Everyday knowledge, interaction and social reality. *Reinbek near Hamburg: Rororo studies*, pp. 9–53.
 17. Berger P.L., Luckmann T. (2004). *The social construction of reality (10th edition)*. Frankfurt am Main: Fischer.
 18. Schlieben-Lange B. (1975). *Meta language and meta communication. For the conversion of a linguistic-philosophical problem into language theory and linguistic research practice*. Hamburg: Hoffmann und Campe, pp. 189–205.
 19. Vepreva I.T. (2005). Yazykovaya refleksiya v postsovetzkuyu ehpkhu. [*Language reflection in the post-Soviet era.*] Moscow: Olma press, p. 377.
 20. Golev N.D. (2008). Features of modern everyday metalanguage consciousness in the mirror of discussion of issues of language construction. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 3(4), pp. 5–17 (in Russian).